

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

С.Г. Кирдина-Чэндлер

*д.с.н., гл.н.с., зав. сектором эволюции социально-экономических систем,
Институт экономики, Москва*

О ДЕНЬГАХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПОРЯДКАХ (размышления над статьей В.М. Ефимова)

Аннотация: Работа посвящена анализу концепции В.Е. Ефимова, представленной им в статье «О двух типах социальных порядков» в трех частях, опубликованных в журнале «Вопросы теоретической экономики» в 2018–2019 гг. Основное внимание обращено, во-первых, на определение социальных порядков и, во-вторых, на взаимосвязь социальных порядков и механизмов денежного обращения. Исходным пунктом концепции Ефимова является критика им концепции Норта-Уоллиса-Вайнгаста о социальных порядках открытого и ограниченного доступа. Критикуя ее, Ефимов представляет собственную альтернативную концепцию монетарного и патронального социальных порядков, которая и стала объектом разбора в настоящей статье. Показано, что классификация социальных порядков Ефимова построена на неочевидных основаниях и не является, вопреки утверждению автора, институционалистской концепцией. Также отмечается отсутствие теоретического обоснования предложенной им классификации, которое не искупается обилием представленного документального материала. Основной упор критики Ефимова в отношении концепции Норта-Уоллиса-Вайнгаста заключается в игнорировании ими роли денег. По мнению Ефимова, именно деньги оказывают значительное влияние на специфику социальных порядков, поэтому он предлагает им уделить особое внимание. В своей концепции монетарного и патронального социальных порядков Ефимов исследует природу денег и анализирует их роль в распределении власти в обществе. Поддерживая тезис Ефимова о значимости связи между особенностями денежного обращения и спецификой социальных порядков, приходится, тем не менее, констатировать, что в полной мере реализовать этот тезис Ефимову не удалось. Основным недостатком анализа денег при разных социальных порядках является отрыв от роли денег в воспроизводственном процессе. Это также делает его классификацию монетарного и патронального социальных порядков недостаточно убедительной.

Ключевые слова: социальные порядки, критика экономических теорий, теория институциональных X-Y матриц, мезоэкономические механизмы денежного обращения.

Классификация JEL: B40, B52, E0, P0.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10203

Введение

Объяснять, почему мир развивается так, а не иначе – одна из увлекательнейших историй, которую любят рассказывать наши коллеги из социальных наук. Когда-то, на заре становления научного мировоззрения, этим занимались философы, потом историки и географы, затем подключились экономисты и социологи. К концу XX в. свои версии социальной истории стали рассказывать и представители институциональной экономики. Одна из наиболее популярных институционалистских концепций нынешнего десятилетия на эту тему – концепция Дугласа Норта, Джона Уоллиса и Барри Вайнгаста, объясняющая становление социальных порядков «открытого доступа» и «ограниченного доступа» в разных странах [North, Wallis, Weingast, 2009; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011]. Предложенная ими объяснительная схема, как и сама класси-

фикация социальных порядков, активно дискутируется в научной литературе и на конференциях, у нее есть как горячие сторонники, так и суровые критики.

Одной из таких резко критических публикаций стала статья (в трех частях) «О двух типах социальных порядков» независимого исследователя из Франции, в прошлом нашего соотечественника Владимира Максовича Ефимова, опубликованная в предыдущих номерах журнала «Вопросы теоретической теории» [Ефимов, 2018а; Ефимов, 2018b; Ефимов, 2019]. Не ограничиваясь, однако, критикой концепции Норта, Уоллиса и Вайнгаста, он представил собственное видение социальных порядков.

Наше отношение к концепции американских ученых представлено в [Кирдина-Чэндлер, 2019а]. Данная же статья посвящается преимущественно разбору концепции самого Ефимова. Дополнительным стимулом для написания статьи послужила дискуссия на семинаре Лаборатории экономико-социологических исследований в НИУ-ВШЭ (рук. В.В. Радаев) 21 мая 2019 г., где Ефимов лично представил свою концепцию о монетарном и патрональном социальных порядках. Не ставя задачу представить всю концепцию Ефимова, выделим две основные темы, которые представляется интересным обсудить. Это, во-первых, само понимание социальных порядков, и, во-вторых, связь между спецификой социальных порядков и характерными для них механизмами денежного обращения, отражающими природу денег.

Социальные порядки – что это?

Вообще говоря, вопрос о социальных порядках поднимается уже не одно столетие, а для социологии они стали основным предметом изучения. Сегодня проблема социальных порядков даже объявляется «конститутивным вопросом современной теории общества» [Кильдюшов, 2016]. Впервые еще Т. Гоббс ставил вопрос о том, как возможно человеческое сосуществование, когда «человек человеку – волк», т.е. человек следует преимущественно своим индивидуальным интересам. Как же из хаоса человеческой жизни возникают устойчивые социальные структуры, которые принимаются и поддерживаются членами общества? Гоббс предложил понятие Государства-Левиафана, обеспечивающего социальный порядок. Свои понимания социального порядка и механизмов его поддержания предлагали К. Маркс в теории общественно-экономических формаций, Ф. Теннис в концепции *Gemeinschaft & Gesellschaft*, Э. Дюркгейм в социологической теории механической и органической солидарности, Т. Парсонс в теории нормативного порядка социальных систем, М. Вебер в теории социального действия и т.д. (подробнее см. [Кильдюшов, 2016]). Каждая концепция имеет свои особенности, но можно выделить и общие положения: понимание социального порядка предполагает определенный набор или систему связанных социальных структур, институтов, отношений и обычаев, которые обеспечивают соблюдение определенных моделей отношений и поведения. Распространенная в советских учебниках классификация – рабовладельческий, феодальный, капиталистический и социалистический общественный строй, – один из широко известных примеров социальных порядков.

В. Ефимов в своих определениях социального порядка, как следует из его работ, не опирался на существующие философские и социологические традиции. Он решил оттолкнуться от понимания социальных порядков в работе вышеназванных американских институционалистов и построить свои определения на противопоставлении им. Напомним, что в своей работе Норт, Уоллис и Вайнгаст определяют социальный порядок как систему институтов, которые, в свою очередь, поддерживают существование определенных форм человеческих организаций, а также способы доступа (или ограничения доступа) к этим организациям и создаваемым ими стимулам. Тем самым социальный порядок через систему институтов организует человеческие взаимодействия.

Критикуя американских авторов, Ефимов пишет, однако, что он поддерживает «институциональность» их подхода и декларирует, что в своем исследовании социальных порядков он также будет придерживаться традиций институционализма. Так, он пишет, в частности, что его анализ существующего в настоящее время в России социального порядка опирается на методологию исходного (original) американского институционализма [Ефимов, 2018a]. «Исходный институционализм с самого начала был нацелен на изучение социально-экономических порядков. Важнейшей чертой его методологии является исследование социальных порядков путем выявления опривыченных правил, которым следуют акторы в рамках изучаемого порядка. Эти правила носят достаточно устойчивый характер и передаются из поколения к поколению (так в тексте Ефимова. – С. К-Ч.). Именно поэтому немецкая историко-этическая школа, продолжением которой и является американский исходный институционализм, уделяла особое внимание историческим фактам. Глубоко понять действующие в настоящее время опривыченные правила можно, только распознав их генезис на протяжении длительного времени. Причем, так как за этими правилами всегда стоят определенные верования-убеждения, то для понимания определенного социального порядка необходимо знать существо этих верований-убеждений» [Ефимов, 2018b. С. 28].

Реализует ли Ефимов в своей классификации заявленный им институциональный подход? Очевидно, что в своем анализе Ефимов рассматривает множество явлений за довольно длительные периоды времени, следуя характерным для оригинального институционализма эволюционным идеям и пониманию роли *path dependence* (зависимость от предшествующего пути развития) в историческом развитии. Об этом свидетельствует, в частности, такое его замечание: «Современный российский социальный порядок возник и закрепился благодаря инерции поздне-советского институционального наследия...» [Ефимов, 2019. С. 7]. Но действительно ли при отборе множества представленных в работе документальных свидетельств для анализа социальных порядков Ефимов в полной мере следует принятым практикам институциональных исследований? На наш взгляд, это не совсем так.

Декларированная Ефимовым сугубая приверженность историческим фактам находит весьма неожиданное воплощение в способе его исследовательской работы, чем Ефимов честно делится с читателем. Он прямо заявляет, что известное многим исследователям положение о том, что «(Т)еория – это способ, которым мы воспринимаем (*perceive*) “факт”, и мы не можем воспринимать (*perceive*) “факты” без теории» [Фридмен, 1994. С. 44] – это устаревшая догма [Ефимов, 2018b. С. 28]. Использование теоретических схем, по его мнению, делает исследователей «слепыми к тому, что не вмещается в их схему» и отрезает им путь к пониманию [Ефимов, 2018b. С. 29]. Ефимов полагает, что лично он способен представить нам объективное и независимое изложение фактов и получить научное знание без всяких теоретических предпосылок и прочих методологических «изысков», поскольку опирается, как он пишет, на «зафиксированные документально характеристики событий разными не связанными друг с другом их участниками и/или наблюдателями. Документы эти могут быть самого разного типа, от текстов интервью и публичных выступлений до писем и других свидетельств, хранящихся в архивах... Все излагаемые мною факты имеют именно такое происхождение» [Ефимов, 2018b. С. 29].

Но как, отказавшись от использования теоретических и методологических аналитических схем, преодолеть субъективизм и человеческие пристрастия при получении научного знания? Как отделить сведения и свидетельства от фактов? И разве можно исследователю, даже самому выдающемуся, «объять необъятное», не пропустив ни одного имеющегося в природе документа по поводу описываемых им событий? Разве просто перечисление сведений о чем-либо и есть научное знание, которым Ефимов таким образом делится со своими читателями, являя нам это знание напрямую и непосредственно (как это иногда делает, говорят, Господь Бог)? Но если в результате нам лишь предлагается ознакомиться с набором добытых автором документальных свидетельств (а многие из них действительно

малоизвестные и весьма интересные, поэтому чтение статей Ефимова – порой захватывающее занятие!), при чем тут оригинальный институционализм с его церемониальными и инструментальными институтами, *trained incapacity*, корыстным интересом, демонстративным потреблением и прочими теоретическими новеллами? Как Ефимов опирается на методологию оригинального институционализма, о чем заявил в первой из трех опубликованных в нашем журнале статей по рассматриваемой проблеме?

Поэтому, на наш взгляд, Ефимова вряд ли можно считать приверженцем институционального подхода. Анализ кейсов (как можно было бы определить стиль работы Ефимова) – распространенный метод институционального анализа. Однако изложение кейсов обычно следует логике предъявляемой исследователем теоретико-аналитической схемы, от чего Ефимов отказывается в своей работе. Поэтому, несмотря на утверждение Ефимова о том, что он разделяет (и реализует) институциональный подход Норта, Уоллиса и Вайнгаста к анализу социальных порядков, это не представляется очевидным.

Зато очевидны его разногласия с их концепцией, и, прежде всего, по сути выделяемых ими в истории социальных порядков. Как известно, Норт с коллегами различают социальные порядки открытого и ограниченного доступа. Ефимов, признавая наличие дихотомии, критикует, однако, ее содержательное наполнение американскими авторами. Он предлагает свою классификацию социальных порядков: *монетарный* (характерный для тех стран, в которых американские ученые обнаружили порядки открытого доступа) и *патрональный*. Характеристики последнего Ефимов описывает на примере России, которая в классификации Норта, Уоллиса и Вайнгаста была отнесена к странам с социальным порядком преимущественно ограниченного доступа.

На упомянутой выше дискуссии в НИУ-ВШЭ логика выделения социальных порядков в концепции Ефимова вызвала, пожалуй, наибольшее непонимание аудитории, несмотря на попытки автора ее (логику) объяснить. Представляется, что Ефимов выделяет свои социальные порядки по неочевидным и разным критериям. Сказать, что это выглядит, как «в огороде бузина, а в Киеве – дядька», будет, возможно, некоторым преувеличением, но отражает суть претензий к предложенной им классификации. Действительно, можно критиковать Норта и его коллег, но они, по крайней мере, опираются на понятное основание в своей работе, разделяя социальные порядки по общему критерию, а именно – уровню открытости доступа населения к участию в деятельности существующих организаций. Но классификация социальных порядков Ефимова выделяет их по различным основаниям, что и отражено в их названиях, хотя сами эти основания Ефимов явно не декларирует. Возможно, мы сможем реконструировать их из его текстов?

Итак, что такое монетарный социальный порядок? Вот какое определение дает ему Ефимов: «Монетарный социальный порядок я определяю как *социальный порядок с безраздельной властью тех, кто производит и контролирует деньги (финансовые капиталисты), и тех, кто их использует для найма работников (промышленные капиталисты)* [Ефимов, 2018а. С. 9]. В монетарном социальном порядке «формальным и иерархическим фигурам власти и руководства рынок противопоставляет власть тех, у кого есть деньги» [Ефимов, 2018а. С. 12]. При этом, как полагает Ефимов, данные механизмы власти производителей и распорядителей денег при монетарном социальном порядке всячески скрываются: «Мало представителей академических социальных наук делают попытки их раскрытия, а уж для экономистов эта тематика вообще табу. Эти механизмы всегда связаны с коллективной делиберацией¹ влиятельных акторов этого порядка. Делиберации эти в большинстве случаев сохраняются в секрете» [Ефимов, 2018а. С. 13].

¹ «...делиберации ...представляют собой коллективное обсуждение с целью понимания предмета и принятия решения по его поводу» [Ефимов, 2018а. С. 12].

А что такое патрональный порядок? Его определения ни в одной из частей анализируемой статьи Ефимова обнаружить не удалось. Он просто констатирует, что такой порядок действует в России, и затем приводит свою версию истории нашей страны, которая, как он полагает, должна раскрыть нам сущность такого порядка.

Однако задача читателя посложнее, чем у самого Ефимова. Можно предположить, что он, несмотря на отрицание им роли теоретических схем, имел все-таки какие-то фильтры, которые позволили ему отобрать излагаемые им «факты» для иллюстрации этого самого патронального порядка [Ефимов, 2018b, 2019]. Мы же, «продираясь через лес» множества самых разных свидетельств и историй, приводимых автором в тексте, можем увидеть, что патрональный порядок характеризует наличие взаимосвязанного множества социальных ячеек (как правило, организаций), в которые включены все члены общества [Ефимов, 2018b. С. 40-43], главы ячеек автоматически являются патронами для членов ячеек [Ефимов, 2019. С. 14], т.е. «вынуждены играть патерналистскую роль, отвечая на ожидания своих сотрудников по отношению к своим начальникам» [Ефимов, 2018b. С. 41], а сами эти ячейки организованы в вертикальные сети, имеющие системообразующий характер; лидер страны (в настоящее время это президент) является патроном этой вертикальной сети [Ефимов, 2019. С. 15].

Что касается делибераций (одного из необходимых условий социального развития по Ефимову), то в патрональном порядке их также недостает, как и в монетарном порядке. Вот как он пишет об этом применительно, например, ко временам СССР: «(В) делиберациях, то есть обсуждениях, нацеленных на принятие решений, в советском обществе участвовала, как и в капиталистическом, достаточно узкая прослойка людей» [Ефимов, 2018b. С. 41]. В современной России черты патронального социального порядка, по сравнению с периодом перестройки (когда, как полагает Ефимов, была попытка заменить его монетарным порядком), не исчезли, а только усилились [Ефимов, 2019. С. 16]. «Мне представляется, что название «патрональный социальный порядок» достаточно хорошо отражает суть социального порядка современной России», – резюмирует автор [Ефимов, 2019. С. 16], и как с ним дискутировать?

Говоря о различиях монетарного и патронального социальных порядков, Ефимов основную разницу видит в том, «что движение экономических ресурсов при патрональном социальном порядке определяется далеко не только теми, у кого есть деньги, но также и теми, кто обладает определенным административным ресурсом, сила которого возрастает по мере вверх по вертикали власти и приближенности к главе государства» [Ефимов, 2019. С. 19]. Другими словами, различия этих двух социальных порядков в том, какие социальные группы управляют деньгами в обществе – финансовые и промышленные капиталисты, как при монетарном порядке, или патроны – главы организованных в вертикальные сети социальных ячеек, – при патрональном порядке.

Критикуя Норта с коллегами, Ефимов подчеркивает, что его собственная классификация социальных порядков носит объективный характер и не содержит нормативного компонента. «Традиционно для экономистов, да и многих обществоведов других специальностей, характерна нацеленность проводимого ими анализа на некоторые нормативные выводы. Так, книга Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста нацелена на доказательство предпочтительности «порядка открытого доступа», под которым они понимают существующий в настоящее время социальный порядок в западных странах, «естественному государству», существующему, по их мнению, во всех незападных странах, в том числе и в России» [Ефимов, 2019. С. 19]. В отличие от американских институционалистов, Ефимов не показывает преимуществ ни у монетарного, ни у патронального социальных порядков.

Отсутствие нормативности и идеологической ангажированности в исследованиях Ефимова является, на наш взгляд, сильной их стороной, которую можно только привет-

ствовать. В то же время его исследования не лишены субъективности, поскольку они не опираются – по крайней мере явно, – на научную методологию, которую принято считать основным признаком объективного знания. Приводимые Ефимовым сведения в обоснование монетарного и патронального порядков очень интересны сами по себе, они дают много пищи для размышлений. Но между информацией и знанием, как известно, лежат теоретико-методологические схемы, использование которых Ефимов сознательно отрицает.

Наше собственное понимание социальных порядков основано на положениях теории институциональных X-Y матриц [Кирдина, 2014 [2001, 2000]]. Как у Норта с коллегами или у Ефимова, мы также выделяем два основных их типа. Но, в отличие от упомянутых концепций, с нашей точки зрения, социальные порядки различаются доминированием институтов (экономических, политических и идеологических) либо X, либо Y матрицы в общественной структуре. Исследование причин доминирования институтов той или иной матрицы, как и постоянное уточнение их характеристик в ходе сравнительных эмпирических исследований на основе разнообразных методов (статистического моделирования, интеллектуального анализа данных, социологических исследований, семантического анализа и т.д.), наряду с обоснованием применяемой методологии, составляет основное содержание нашей научной работы уже около 20 лет (подробнее см. [www.kirdina.ru]).

О связи между спецификой социальных порядков и особенностями денежного обращения

Не соглашаясь с предложенной Ефимовым классификацией социальных порядков, – ему не удалось убедить нас, что она более удачна по сравнению с нашей собственной, основанной на положениях теории институциональных X-Y матриц, – мы соглашаемся, однако, с его соображениями о необходимости учитывать специфику денег и денежного обращения при различных социальных порядках. Это созвучно тем актуальным задачам, которые мы ставим сегодня в собственных исследованиях, а именно, изучить мезоэкономические механизмы денежного обращения в странах с доминированием X и Y матриц. Поэтому рассуждения Ефимова о природе денег и их специфике в разных социальных порядках представляет для нас особый интерес. Сразу отметим, что с некоторыми из них мы согласны, однако есть и спорные моменты, которые также хотелось бы обозначить.

Приступая к обсуждению роли денег в государствах с различными социальными порядками, Ефимов указывает на то, что в экономической теории анализу денег не уделяется особого внимания. Он указывает на «методологическую традицию экономической дисциплины игнорировать деньги» [Ефимов, 2018а. С. 7], и мы с этим утверждением согласны. Но как же, могут нам возразить многие экономисты – а монетарные теории, а теория финансов и денежно-кредитной политики – разве это не о деньгах?

На это можно заметить, что деньги в этих теориях являются скорее формальным, чем реальным объектом исследования. Анализ трансмиссионных механизмов денежного обращения, о важности которого начинал говорить еще Дж.М. Кейнс и которому посвящено множество современной литературы, не содержит, как правило, обсуждения природы денег и механизмов их фактического движения в экономике. Монетаристы и финансисты ограничиваются исследованием сигналов и «объемных» показателей, характеризующих сферу денежного обращения (цены, процентные ставки и ставки валютного курса, финансовые активы и т.п.), не рассматривая реальных кругооборотов реальных денег и не ставя задачи исследования их связи с реальными производственными процессами. Эффекты денежно-кредитной политики изучаются преимущественно путем проверки тесноты связей изменения предложения денег и валового выпуска (или совокупных расходов). «Опираясь на сокращенный способ доказательства, монетаризм рассматривает экономику

как «черный ящик», внутри которого проходят неизвестные процессы. Таким образом, трансмиссионный механизм как таковой отсутствует» [Моисеев, 2002. С. 45].

В равновесных моделях, на которых базируется современная макроэкономическая теория, деньги также игнорируются. Сошлемся на одного из самых известных специалистов в этой области Джеффри Ингхэма, посвятившего свои работы пониманию функционирования денег в экономике. Он пишет, что «деньги даже не появляются в аналитическом пространстве некоторых из наиболее престижных, математически изолированных моделей экономики, таких как модель общего равновесия Эрроу – Дебре» [Ingham, 2004. P. 8]. То же можно сказать и о наиболее популярных моделях DSGE, базирующихся на микроэкономических основаниях, где имитируются кругообороты товаров, а поведение «центрального банка и фискального сектора задается с помощью экзогенных правил политики» [Полбин, 2013]. В.И. Маевский, ссылаясь на обзор в [Кури, Сальвадори, 2004], также указывает на «безденежный» характер современных многопродуктовых моделей [Маевский и др., 2019].

Другими словами, экономисты, прежде всего экономисты-неоклассики, занимаясь ценами, в том числе и «ценами на деньги», о сущности самих денег рассуждают мало. Ефимов полагает, что это связано в том числе и с идеологическими причинами, «Отсутствие должного внимания к деньгам и трактовка их как товара в экономической теории, выполняющей функцию идеологической поддержки монетарного социального порядка, конечно, не случайны. Видение денег как основного источника власти быстро нарушило бы утопическое безвластное видение социальной реальности» [Ефимов, 2018а. С. 15].

Мы согласны еще с одним соображением Ефимова по поводу денег, а именно – с его несогласием происхождения денег исключительно из товарного обмена. Ефимов повторяет вслед за немецким социологом Йозефом Хубером: «Большинство людей все еще связывают происхождение и природу денег с тем, как это представлено в классической политической экономии, например, у Адама Смита, и в неоклассическом расширении этого представления, осуществленном Карлом Менгером в 1871 г. (австрийская школа). Согласно этой точке зрения, деньги, как предполагается, возникли как спонтанное творение архаичного бартера и рыночных процессов для облегчения обмена товарами. Деньги рассматриваются в этом контексте как товар и, следовательно, как любой другой товар, относятся к частной сфере. Эту точку зрения чаще всего называют товарной теорией денег» [Huber, 2017. P. 35]. Также, как и Хубер, Ефимов поддерживает так называемую государственную теорию происхождения денег, относящую деньги «к общественной сфере и прерогативе правителей» [Huber, 2017. P. 36; Ефимов, 2018а. С. 15].

Однако, соглашаясь с тем, что деньги не являются атрибутом лишь систем, основанных на товарном обмене и генетически не произошли из них, мы не поддерживаем разделяемую им государственную теорию денег, в соответствии с которой деньги являются лишь тем, что дают право на получение товаров и услуг. При этом само это право «связано не с тем, что деньги, в том числе и монеты, изготовленные из драгоценных металлов, обладают какой-то своей субстанцией, имеющей внутреннюю ценность. Оно обусловлено тем, что зафиксировано в правилах функционирования денежной системы как социального института. Эти правила поддерживаются авторитетом государства (в том числе способностью применить силу), на территории которого выпускаются деньги определенной денежной системы, и доверием ее пользователей к данному государству. Правила эти закрепляются привычкой и верой в покупательную и платежную силу денег этой системы» [Ефимов, 2018b. С. 8].

Ефимов не рассматривает деньги как необходимый элемент воспроизводственного экономического процесса, однако мы придерживаемся именно такого взгляда на природу денег (подробнее см. [Кирдина-Чэндлер, 2019b]). Становление денег как социального института [Davis, 2017] мы связываем с тем, что доминирование того или иного типа институциональной матрицы (X или Y) определяет различные институциональные схемы эконо-

мического воспроизводства и, соответственно, особенности функционирования денежных институтов. Мы показали это ранее в ряде работ, когда анализировали, например, различные направления эволюции банков в X- и Y-экономиках [Kirdina, Vernikov, 2013], сравнивали институциональные модели финансирования реального сектора в России, Китае и США [Кирдина, 2013], а также организацию производственных процессов в X- и Y-экономиках [Кирдина, 2016]. Конечно, необходимы дальнейшие исследования мезоэкономических механизмов денежного обращения при разных социальных порядках, и мы надеемся, что дискуссия с В. Ефимовым по этому поводу может оказаться плодотворной.

Заключение

Выделение разных типов социальных порядков является перспективным направлением не только для институциональных исследований, но и для развития экономической теории. Уже не раз отмечались ограничения теоретических моделей в микро- и макроэкономике, которые «не содержат ничего такого, что отличало бы рыночные экономические системы от экономик советского типа или от экономики Древнего Рима и средневекового Китая» [Баумоль, 2001. С. 84]. Поэтому попытки классификации социальных порядков могут быть весьма полезными для конкретизации общетеоретических экономических положений применительно к разным типам социально-экономических систем. С этой точки зрения исследование В.М. Ефимова, посвященное решению данной задачи – до сих пор, кстати, консенсусно не решенной – вызывает естественный интерес.

Очевидно, что любой из нас, который знакомится с его описанием монетарного и патронального порядков, соотносит предложенную Ефимовым классификацию с собственными представлениями по этому поводу. Однако, чтобы быть убедительной, любая классификация должна не только соответствовать нашему мнению, опыту, впечатлениям или идеологическим симпатиям и предпочтениям – она должна быть логичной и научно обоснованной. Частью этого обоснования являются строгие теоретические рамки, понятная методология и разработанная методика. С этой точки зрения классификация Ефимова, хотя и подкреплена множеством документальных свидетельств, не является, на наш взгляд, достаточно фундированной. Отрицая роль теории в такого рода исследовании – об этом Ефимов заявляет как о своей принципиальной позиции, – он оставляет свою классификацию незащищенной от противоположных документальных свидетельств, которые могут предъявить те исследователи, которые его позицию не разделяют.

Тем не менее прочтение статьи Ефимова «О двух типах социальных порядков», состоящей из трех частей (ее общий объем составил почти 220 тыс. знаков!) – отнюдь не бесполезное занятие. Он обращает наше внимание на весьма важные вещи. Хотелось бы отметить две из них. Первое – призыв не игнорировать деньги и дебаты (коллективные формы обсуждения для принятия решений) как инструменты взаимодействия между людьми. Именно в их специфике он видит содержание складывающихся в обществе социальных порядков и полагает, что без их учета изучать социальные порядки не имеет смысла [Ефимов, 2018а. С. 7]. Пожалуй, с этим стоит согласиться.

Во-вторых, Ефимов своим анализом возвращает нас, – но уже на новом этапе, – к традициям классической политэкономии, когда изучение экономической деятельности предполагало анализ социально-политической структуры, поскольку их взаимосвязь в реальной жизни часто неразрывна. «Отличие социально-экономической реальности от природы состоит в том, что она представляет собой поток экономической деятельности и есть результирующая действий совокупности ее участников (акторов). Последние делятся на более влиятельных, обладающих большей властью, и менее влиятельных, и, конечно, вес первых в этой результирующей выше (часто намного), чем вторых. Действия участников

регулируются некоторыми формальными и неформальными правилами, которые, в свою очередь, базируются на в основном разделяемых ими верованиях (идеях и ценностях). Более влиятельные участники экономической деятельности имеют больше возможностей, чем менее влиятельные, изменить формальные правила, скорректировать неформальные и убедить последних в правоте новых верований и легитимности новых правил» [Ефимов, 2018а. С. 12].

Усложнение мира вокруг нас вновь актуализирует необходимость учитывать органический характер социально-экономической реальности, где связаны прошлое, настоящее и будущее, где взаимодействуют социальные, экономические и политические структуры, а денежные механизмы не просто «передают» информацию между экономическими агентами, но являются системообразующим институтом глобального характера. Циклический характер развития науки, о котором писал великий русско-американский социолог П. Сорокин, выражается сегодня в том, что аналитический этап ее развития снова сменяется синтетическим, что актуально «сложной реальности». В этой логике исследование В. Ефимова, несмотря на высказанную критику, является весьма современным и полезным. И как в этой связи не процитировать Ф. Хайека, который писал: «... экономист, остающийся лишь экономистом, скорее всего со временем станет помехой, если не потенциальной опасностью для исследовательской работы» [Hayek, 1956. Цит. по Вольчик, 2015. С. 58]. Поэтому экономисты, обращающиеся к исследованию социальных порядков, очень нужны экономической науке.

ЛИТЕРАТУРА

- Баумоль У. (2001). Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. № 2. С. 73 – 107.
- Вольчик В. В. (2015). Междисциплинарность в экономической науке: между империализмом и плюрализмом // Terra economicus. Т. 13. № 4. С. 52 – 64.
- Ефимов В.М. (2018а). О двух типах социальных порядков. Ч. I // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 7–25.
- Ефимов В.М. (2018b). О двух типах социальных порядков. Ч. II // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 28–46.
- Ефимов В.М. (2019). О двух типах социальных порядков. Ч. III // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 7–23.
- Кильдюшов О. (2016) Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества // Социологическое обозрение. Т. 15. № 3. С. 122–149.
- Кирдина С.Г. (2014) [2000, 2001]. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е. М., СПб.: Нестор-История.
- Кирдина С.Г. (2016). Институциональная организация воспроизводственных процессов в X- и Y-экономиках // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). Т. 8. № 4. С. 72–91.
- Кирдина С.Г. (2013). Институциональные модели финансирования реального сектора // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (18). С. 129–157.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2019а). К самоопределению российского общества: в поисках системы координат // Мир России. Т. 28. № 2. С. 6–24.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2019b). Механизм денежного обращения как объект мезоэкономического анализа // Journal of Institutional Studies. Vol. 11. № 3. С. 6–20.
- Куриц Х.Д. и Сальвадори Н. (2004). Теория производства: долгосрочный анализ: учебное пособие. М.: Финансы и статистика.
- Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А. (2019). Анализ связи между эмиссией, инфляцией и экономическим ростом с помощью модели переключающегося режима воспроизводства // Вопросы экономики. № 8. С. 45–66.
- Моисеев С.Р. (2002). Трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики // Финансы и кредит. № 18. С. 38 – 51.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара.

- Полбин А.В. (2013). Построение динамической стохастической модели общего равновесия для экономики с высокой зависимостью от экспорта нефти // Экономический журнал ВШЭ. Т. 17. №2. С. 347–387.
- Фридмен М. (1994). Методология позитивной экономической науки // THESIS. № 4. С. 20–52.
- Davis A.E. (2018). Money as a Social Institution. The Institutional Development of Capitalism. London and New York: Routledge.
- Hayek F.A. (1956). The dilemma of specialization / In: White L. The state of social sciences. Chicago: University of Chicago Press. Pp. 462–473.
- Huber J. (2017). Sovereign Money. Beyond Reserve Banking. London: Palgrave Macmillan.
- Ingham, G. (2004). The Nature of Money. Cambridge, UK: Polity Press.
- North D., Wallis J., Weingast B. (2009) Violence and Social Order: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge: Cambridge University Press.

Кирдина-Чэндлер Светлана Георгиевна

kirdina@bk.ru

Svetlana Kirdina-Chandler

doctor habilitatus in sociology, head of sub-division of evolution for social and economic systems, the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

kirdina@bk.ru

ABOUT MONEY AND SOCIAL ORDERS (reflections on the article of V.M. Efimov)

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the concept of Vladimir Efimov, presented by him in the article “On two types of social orders” published in the journal “Theoretical Economics” in 2018–2019. The main attention is paid, firstly, to the definition and understanding of social orders and, secondly, to the interconnection of social orders and money circulation mechanisms. The starting point of Efimov’s article is a criticism of the concept of North, Wallis, and Weingast about open access social orders and limited access social orders. Criticising this concept, Efimov presents his own alternative classification of monetary and patronal social orders. Efimov’s classification (or concept) is the subject of analysis in our paper. It is shown that Efimov’s classification of social orders is built on unclear foundations and is not, contrary to the author’s assertion, an institutionalist concept. Also noted is a lack of theoretical justification for his proposed classification, which is not mitigated by the abundance of documentary material presented. The main focus of Efimov’s criticism of the concept of North, Wallis, and Weingast is its disregard for the role of money. According to Efimov it is money that has a significant impact on the specifics of social orders, so in his concept he paid special attention to money. In Efimov’s concept of monetary and patronal social orders, he explores the nature of money and analyses its role in the distribution of power in society. Whilst supporting Efimov’s thesis about the significance of the relationship between the characteristics of money circulation and the specifics of social orders it is, nevertheless, necessary to state that he failed to fully justify this in his thesis. The main disadvantage of his money analysis in different social orders is the separation of the role of money from the economic reproduction process. It also makes his classification of monetary and patronal social orders unconvincing.

Keywords: *social orders, criticism of economic theories, theory of institutional X-Y matrices, mesoeconomic mechanisms of money circulation.*

JEL Classification: B40, B52, E0, P0.

REFERENCES

- Baumol U. (2001). Chego ne znal Alfred Marshall: vklad XX stoletiya d ekonomicheskuyu teoriyu [What Alfred Marshall Did Not Know: The Contribution of The XX Century to The Economic Theory] // Voprosy Ekonomiki. N 2. Pp. 73–107.
- Davis A.E. (2018). Money as a Social Institution. The Institutional Development of Capitalism. London and New York: Routledge.
- Friedman M. (1994). Metodologiya pozitivnoy ekonomicheskoy nauki [Methodology of Positive Economic Science] // Thesis. No. 4. Pp. 20–52.
- Hayek F.A. (1956). The dilemma of specialization / In: White L. The state of social sciences. Chicago: University of Chicago Press. Pp. 462–473.
- Huber J. (2017). Sovereign Money. Beyond Reserve Banking. London: Palgrave Macmillan.

- Ingham G.* (2004). *The Nature of Money*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Kildyushov O.* (2016). Problema sotsial'nogo poryadka (Gobbsova problema): k evristike i pragmatike konstitutivnogo voprosa sovremennoy teorii obshchestva [The Problem of Social Order (a Hobbesian Problem): Towards the Heuristics and Pragmatics of the Constitutive Question of Contemporary Social Theory] // *Sotsiologicheskoe obozrenie*. V. 15. No. 3. Pp. 122–149.
- Kirdina S.G.* (2014). [2000, 2001]. *Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii. Vvedenie v X-Y-teoriyu*. [Institutional Matrices and Development in Russia: an Introduction to X and Y Theory]. 3rd edition, Moscow, Saint Petersburg: Nestor Istoriya.
- Kirdina S.G.* (2013). *Institutsionalnyye modeli finansirovaniya real'nogo sektora* [Institutional Models of Real Sector Financing] // *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotciatsii*. №2 (18). Pp. 129–157.
- Kirdina S.G.* (2016). *Institutsional'naya organizatsiya ekonomicheskogo vosproizvodstva v X i Y ekonomikakh* [Institutional organization of economic reproduction in X- and Y-economies] // *Journal of Institutional Studies*. Vol. 8. No. 4. Pp. 72–91.
- Kirdina S., Vernikov A.* (2013). *Evolution of the Banking System in the Russian Context: An Institutional View* // *Journal of Economic Issues*. Vol. 47. No. 2. Pp. 475–484.
- Kirdina-Chandler S.G.* (2019a). *K samoopredeleniyu rossiyskogo obshchestva: v poiskakh sistemy koordinat* [Towards the Self-Determination of Russian Society: Searching for a Coordinate System] // *Mir Rossii*. Vol. 28. No. 2. Pp. 6–24.
- Kirdina-Chandler S.G.* (2019b). *Mekhanizm denezhnogo obrashcheniya kak ob'ekt mesoeconomicheskogo analiza* [Mechanism of money circulation as a subject of mesoeconomic analysis] // *Journal of Institutional Studies*. Vol. 11. No. 3. Pp. 6–20.
- Kurz H.D., Salvadori N.* (2004). *Theory of production: a long-period analysis*. Moscow: Finansy i statistika.
- Maevsky V.I., Malkov S.Yu., Rubinstein A.A.* (2019). *Analiz svyazi mezhdru emissiyey, inflyatsiyey i ekonomicheskim rostom s pomoshchyu modeli pereklyuchayushchegosya rezhima vosproizvodstva* [Analysis of the relationship between issuing money, inflation and economic growth with the help of the SMR-model] // *Voprosy Ekonomiki*. No. 8. Pp. 45–66.
- Moiseev S.R.* (2002). *Transmissionnyy mekhanizm denezhno-kreditnoy politiki* [The transmission mechanism of monetary policy] // *Finansy i kredit*. No. 18. Pp. 38–51.
- North D., Wallis J., Weingast B.* (2009). *Violence and Social Order: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Polbin A.* (2013). *Postroeniye dinamicheskoy stokhasticheskoy modeli obshchego ravnovesiya dlya ekonomiki s vysokoy zavisimostyu ot eksporta nefi* [Development of a Dynamic Stochastic General Equilibrium Model for an Economy with High Dependence on Oil Export] // *Economic Journal of HSE*. Vol. 17. No. 2. Pp. 347–387.
- Volchik V.V.* (2015). *Mezhdistsiplinarnost v ekonomicheskoy nauke: mezhdru imperialismom i plyuralismom* [Interdisciplinarity in economic science: between imperialism and pluralism] // *Terra economicus*. Vol. 13. No. 4. P. 52–64.
- Yefimov V.* (2018a). *O dvukh tipakh sotcial'nogo poryadka* [On two types of social orders]. Part I // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 1. Pp. 7–25.
- Yefimov V.* (2018b). *O dvukh tipakh sotcial'nogo poryadka* [On two types of social orders]. Part II. // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 1. Pp. 28–46.
- Yefimov V.* (2019). *O dvukh tipakh sotcial'nogo poryadka* [On two types of social orders]. Part III. // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 1. Pp. 7–23.